

Лидия ДОВЫДЕНКО

Родилась в деревне Хомичи Могилевской области БССР. Окончила историко-филологический факультет Гомельского государственного университета. С 1996 года работала в средствах массовой информации. Кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук Калининградского института экономики.

Автор 19 книг, ряда телевизионных фильмов, главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега». Лауреат Международного литературного конкурса «Славянские традиции», Международного литературного фестиваля «Русский стиль».

Секретарь Союза писателей России. Живет в Калининграде.

«ВЕСЬ МИР – ЛАЗАРЕТ...»

О новой книге Елены Крюковой

Книги с высшим смыслом... Их становится всё меньше, при постоянном количественном росте бессмысленных и ничтожных. Порой кажется, сам народ русский узнаёт себя через книги Елены Крюковой, через её героев, которые воспринимают мир как огромный храм с фресками на каждой стене, обращённой на Юг, Восток, Север и Запад.

Герои книги «Лазарет» Алексей и Николай – выдающиеся хирурги, опалённые войной и репрессиями; их пути сходились на фронтах и в лагерях в Сибири и на Севере. Главный герой Алексей – не только хирург, но и глубоко верующий православный, который под белым халатом врача носит рясу и крест. Николай – вначале ярый атеист, принимает православие под влиянием Алексея, после смерти синеглазой девушки-санинструктора и её ребёнка.

Фреска первая – «Северная стена» – знаменует собой эпилог большого жизненного пути. Алексей перед своим уходом в мир иной вспоминает свою жизнь, рассказывая её шёпотом девочке-нянечке. Он лежит в лагерном лазарете с разбитым побоями за очередной побег левым плечом и благодарит Господа, что у него правая рука здорова и он может креститься. Преодолевая телесную боль, он думает о девочке-санитарке, которая ассоциируется у него с музыкой, называет её инфантой, царевночкой. Он её не видит, один глаз выбит при побоях, другой не видит из-за сожжённой сетчатки и затянута белой плёнкой. Но врач слышит, как инфанта-нянечка моет полы, ощущает, как она кормит его с ложечки кашей – «собачьей едой». Ему трудно глотать, трудно

говорить, но он посылает девочке свои мысли и сны: «Тело – хворост, душа – играющая рыба, дух – усыпанное звёздами небо».

А за окном страшный мир; там, за перевалами ненависти и любви, на западе идёт война, о которой узникам никто не говорит. Мир воспринимается умирающим, а значит, и нами, словно живопись. Великий Небесный Художник создал его так, что мы или позируем Ему, или сами рисуем окружающий мир, в котором кто-то видит «вокруг себя не тех, кто верит в Бога, а тех, кто верит в кровь и злобу».

«Помню ли я всех встреченных на пути? – спрашивает себя Алексей. – Много людей прошло сквозь сердце моё. Сокровищами моими стали они. Имена их помню не памятью – кровью. Ибо они – мой народ; и я – народ их родной».

Герой «Лазарета» думает о себе как о зеркале, отражающем тысячи миров и людских судеб. Но на самом деле писатель Елена Крюкова – это зеркало миров, которое обращено то к православному храму, где идёт исповедание прихожан, то к лазарету всей многострадальной Земли, то к отдельной личности, осознающей свой срок в нашем мире: «Я не буду хвалить себя и очернять себя, – шепчет перед смертью Алексей, – не буду короновать себя или казнить себя; ты сама все поймёшь, ведь амальгама зеркала такая серебряная, праздничная, такая чудесная, она мерцает Луной и сверкает Солнцем в небесах, она освещает моё сердце изнутри, и ты увидишь, как оно бьётся Полярной звездой в зените, не в клетки измученных рёбер».

Девочка-музыка становится последней слушательницей умирающего Алексея:

Знаешь, я от мук, причинённых мне, человеку, людьми, братьями моими, весь выгорел внутри, вместо печени пепел, вместо потрохов порванные струны, вместо сердца – кровавый комок... А ведь сказано в Писании: где сокровище твоё, там и сердце твоё. Где теперь сердце моё? Ужели в небесах? Нет, ещё нет. Здесь, на земле? Но и земли мне уже не видать. Так где я? На железной койке в тюремном лазарете? Железная койка – моя земля. И ты, дитя, ты моя исповедница, я твой причастник, а ведь сколько лет я исповедовал и причащал людей.

Невозможно прожить на Земле без боли, без неё ты не узнаешь правды о том, что не только Земля – огромный храм, но и каждый отдельный человек, его душа – это храм, часть большого Храма, серебряная дверь которого всегда открыта:

Исповедь – это чудо, исповедуясь, ты становишься всем сущим, Белым Светом обширным, Царём Космосом в смоляной, антрацитовый, расшитой турмалинами и лалами парче, и звёзды в тебе шевелятся, играют и мерно, медно, медленно идут по угольному, дегтярному полю, будто коровы с алмазами во лбу, и перебрывают великие небеса вдоль и поперёк, уходят вдаль, навсегда, – ты, признаваясь в содеянном, никогда больше не вернёшься туда, где ты это сотворил.

Оказавшись в лагере по доносу, что он, доктор, оперировал врага, Алексей совершенно отстраняется от понятий «свой» и «враг». Он размышляет о человеке и своей любви к Родине:

А может, я любил мою Родину ещё до рожденья; Родина ведь в нас течёт, она наша кровь, наше упование. Не изменим ей. Не поглумимся над ней.

Всю жизнь работая в лазаретах: в Первую мировую войну, в Гражданскую войну и в Великую Отечественную, начиная простым санитаром в Первую мировую, он понял, что люди «ко всему привыкают, и Мирь становится единым лазаретом, где все страдают, вопят, смеются, молятся, едят, пьют, выздоравливают и умирают, но только никогда, никогда не воскресают».

Я рос в лазарете, как фикус на белённом мною подоконнике. И я вырастал, и я осознал себя, лазарет и таинственный Мирь за окном, где бесконечно творились революции и войны; и я, ухаживая за ранеными, посильно участвовал в страшных и прекрасных событиях, ибо тот, кто живёт, не может не жить, кто дышит, не дышать не может.

...Одною ногой ступал в безумие, зато другою я прочно стоял на земле, я знал: есть болезнь, и есть здравие, и я клал мою молодую жизнь к подножию общей, великой и кровавой Жизни-Распятия, в городе с храмовых колоколен лился то тяжелый и гулкий, то нежный и прозрачно-птичий, весенний звон, а мне было недосуг заходить в церковь помолиться и поставить свечу: я задышался от работы, и хирургия была моим светом в ночи, слоями моего Времени, моей любовью.

Но этого оказалось недостаточно:

...я всё дальше, всё бесповоротней уходил по дороге священного безумия. Безумие мое, дитяtko, заключалось в том, что я хотел не в одном лишь родном лазарете лечить людей, а пуститься в дальний путь – по земле, по войне, по широкому Миру, и на этой длинной, страшной и бесконечной дороге лечить, лечить, лечить. Дарить, дарить, дарить. Отдавать, отдавать, отдавать. И не брать. Не брать никогда.

Отправившись на войну добровольцем, молодой доктор Алексей оказался в прифронтовом лазарете:

Мы жили везде и спали везде. Не жалуясь, не разбирая. На войне никто ничего не говорит, только все всё делают. Война – молчаливое искусство.

Отдаются только приказы. Звенят крики команд.

И гром залпа. И летит огненная смерть.

Наше дело правое. Мы победим. А если не победим?

Что нас ждёт? Нас всех? И врагов, и друзей?

Некогда было искать ответов. Я еле успевал поворачиваться. Обезболить. Перевязать. Вытащить пулю. Выпростать из красного мяса дикий чёрный осколок, стальной коготь. Десятки осколков, иной раз и сотни, не вытащишь, изымешь лишь самые крупные, чтобы сильной муки не причиняли. Раны воспалялись. Гноились. Я вытирал лицо от пота и слёз гимнастёркой: мне выдали обмундирование; глубже надвигал на лоб каску: бойцы кричали, ты, доктор, ты давай береги себя, ты тут у нас один-единственный, тебя убьют, и кончен бал, погасли свечи! Кто нас будет спасать? Жизнь нам возвращать? Очень много было ранений в живот и в голову. В животе тaitся жизнь; в голове живёт мысль. А дух? Где он живёт? А душа?

Вереницы солдатских глаз проходили перед доктором на хирургическом столе:

Эти глаза видели поля смертей. Созвездия смертей. Снопы смертей и её стога. Убитых людей Время сгребало в стога, а я? Что я делаю тут? Да, людей спасаю. А столько людей на земле – меня ждут! Разве я их покину!

Мой народ гомонил и кричал вокруг меня, и мне счастливо было чують себя его семенем, маковой росинкой.

Алексей родился в маленькой деревне, матери не помнил, остался после смерти отца с двумя братьями, один из которых отвёз Алексея в городской лазарет санитаром, и этим уготовил ему судьбу хирурга.

И Алексей ещё не знал тогда, что встретит на войне своего друга-врага – хирурга Николая.

Николай – человек дела, он уверен, что все на свете «делают дело, а иного не дано». «Никакого Бога нет, – рассуждает он. – Всё это сказки, про богов. Люди сами себе утешение в скорбях выдумали, чтобы сильно не плакать по ночам».

Огромный врачебный опыт, полученный на войне, работа в госпитале делают Николая Петровича высоким профессионалом. Несмотря на внешнюю суровость, он задумывается о людях, их судьбах, о боли, которая выпадает им на долю:

Осколочных ранений тьма-тьмушая. То и дело осколки в ведро выбрасываю, они звенят. Спать лягу – этот звон у меня в ушах. Кого оперирую под местной анестезией, новокаин вкачу, они лежат, зубами скрипят, иной раз я им между зубов щепку вставляю, чтобы вгрызлись крепче и не орали. Терпят. А кому даю общий наркоз. Мне ещё в городе присоветовали, в госпитале: ты там раненых щади. Они и так в бою побывали. Смертушку в рожу видали. Жалей их. А тебе что, эфира жалко?

Но солдат после эфира

...медленно поворачивает голову на железяке стола, и его бурно рвёт. Всеми внутренностями. Всей проклятой войной. Всей святой войной.

И лазарет не является защитой от смерти и боли: «...бомбят раненых и врачей. По всем конвенциям такого делать нельзя. А вот делают. Наглецы. Война, разве у неё есть совесть? Совесть, она для мирных времён».

Слепой Алексей, лёжа на лазаретной койке, исповедуясь перед молоденькой нянечкой, вспоминает своё первое причастие:

Священник бормотал надо мной молитвы, и я не особенно вслушивался в слова. Я впивал их всем собою, будто я был хлеб, и это меня, меня обмакнули в сладкое вино. Потом я встал, неиспытанное чувство Вселенской чистоты разлилось по телу, по сердцу, по всей церковке, по всему окоёму за её старыми дряхлыми стенами. Я был одно с Миромъ. А Миръ воссоединился со мной. Как бы сохранить это чувство, думал я потрясённо, не уронить, не растерять.

Захлестнула волна неиспытанного счастья. Я боялся его нарушить любым жестом, разбить хрусталем. Это как в любви. Внутри меня пело. Кто это пел? Я сам? Бог? Душа?

Он открыл для себя, что православие дало миру живоносное, объединяющее начало, что русский народ благодаря благоговейной и горячей вере во Христа Бога наиболее способен к примирению и объединению с другими народами.

В последние дни своей жизни Алексей размышляет:

За нашими спинами столько драгоценностей в сундуках. Столько мудрости! А мы живём одним днём. Есть в одном дне наслаждение, но есть и опасность

забвения того, что было и что надобно помнить. Человек беспамятный – это машина, шуруп. Всяк может его вывинтить и ввинтить, куда заблагорассудится.

Надо помнить, что сундуки драгоценностей – это наши традиции, наше культурное наследие, научные достижения, наши святые, наши герои, наши победоносные битвы и трудовые подвиги.

Почему же человек убивает человека? Из страха, который, как известно, отключает одно полушарие, из-за сатанинского влияния, из-за низких вибраций духа, из-за ограничивающих мысль и мировоззрение убеждений?..

Я вижу мою Землю, а на ней идут войны, сшибаются миры, народы в кровь бьют друг друга, топят, сжигают и вешают, расстреливают в упор, один народ убивает другой, из ненависти, а бывает, из любви, ведь когда зверь-человек любит и страдает, он хочет убить того, кто причиняет ему страдания. А когда он любит и счастлив, он хочет убить того, кого любит и кто любит его, – чтобы его любовь никому другому не досталась. Чтобы только он один владел!

Свет с тьмой, добро со злом вечно сражаются, как на земле, так и на небесах:

Человек убивает человека. А там, вдали, над полем, я вижу, как сшибаются тучи. С одной стороны наползают тучи светлые, облака кучевые, летят из них стрелы солнечные, стрелы пламенные, стрелы огненные; с другой стороны наваливаются тучи смоляные, нефтяные, дегтярные, цвета взорванной земли; они, несомые грозovým ветром, приближаются быстро и неотвратно; летят из них чёрные длинные копыя, вонзаются в светлые, сияющие тела лёгких, победно-радостных облаков. Битва Небесная! Битва Предвечная! Там, в небесах, времена и народы бьются – не на жизнь, а на смерть. И очень важно, кто победит. И – надо победить! Даже если все умрём!

...Мы – сила! Мы – слава. Мы – вера. Мы – воинство. Мы пойдём сражаться за Родину и за жизнь, и мы уже – народ. И, умирая, падая на землю в кровавом бою, мы продолжаем жизнь. Мы не даём земле умереть! Ещё немного! Ещё живи! Ещё..

Мысли о встреченной на фронте синеглазой медсестре – её, раненую при бомбёжке санитарного эшелона, спас от смерти хирург Николай, а доктор Алексей нежно называл её Душой, Душенькой, – не оставляют героя книги. Она становится его упованием, его великой надеждой на жизнь, его любовью. У Алексея Душенька ассоциируется с Богородицей:

Где же душа, где она кочует, где ночует, где гнездится, птица? Если бы знать ответ! Синие очи глядели, летели в меня с византийской иконы. А может, с Херувимской-Серафимской фрески, где тёмно-золотой, как густой цветочный мёд, фон, и Оранта поднимает руки ладонями ко мне, и глядит на меня круглыми громадными, величиною с чайное блюдце, синими глазами, и хитон Её кровавый, и плащ Её синий, и спасибо, благодарю Тебя, Царица Небесная, что не оставляешь меня без призора, молчишь и глядишь, приглядываешь за мной; и всё меньше земного моего времени заботу Твою отработать Тебе, и всё больше понимаю я, важнее любви к Живому и постоянного, каждодневного воскрешения угасающего, бесконечно умирающего Живого нет у человека, да и у Бога, дела на земле.

Алексей лечит и молится. Он исцеляет людей чуткими руками и исцеляет Божиим Словом. Земное и небесное слились в единое целое, вневременное: «Душе моя, душе, востани! что спиши!»

...я сам, сам те пламенные молитвы на ходу сочинял, и Господь меня простил за это, и не только простил, а в сём новом, северном Вифлееме, в сердцевине лютых полярных морозов, в скрещении кровавых закатных, посмертных ножей, среди расстеленных по выставшей землице белых парчовых платов, неистово, яростно сверкающих под низким молочным, сливочным Солнцем и под солью-россыпью юродивых звёзд, Господь меня – да, меня! жалкого слугу Своего! несчастного, битого-забытого иерея Своего! каждодневного пахаря чернозёмного-вселенского, безграничного поля Своего! – поддержал, ободрил, обласкал, с небес сильною рукой перекрестил! Так, без слова единого, Он сказал мне: делай, что должен делать, и буду Я тебе помощь!

И так понял Алексей, что его предназначение – собирать души живые, собирать сокровища душевной красоты, которые не подвергаются эрозии, работой духа укреплять каркас общественного бытия. Елена Крюкова уходит от политической его проекции, ей важна внутренняя, нравственная, совестливая, духовная опора, включающая в себя и личную, интимную, и общечеловеческую, общенародную составляющую. Войны всё равно заканчиваются, и наступают времена диалогов. И снова понадобятся верные слова для внутреннего оформления диалога цивилизаций, общения народов и культур.

Слово «славянин» возникло от полученного человеком в незапамятные времена небесного дара Логоса, Слова, чистого, совестливого, справедливого; оно дано нам, чтобы в очередной раз спасти планету от вырождения, эгоизма, злобы и хитрости и чтобы именно России, с её устремлённостью к высотам Духа, стать эпицентром позитивных исторических изменений. Народы мира, наконец, примут и поймут её, России, глубинность, святость, целомудрие, безмерные страдания, готовность через страдания созидать великую радость, и услышат её песнь, обращённую в небеса.

Книга «Лазарет» посвящена памяти великих русских хирургов: святителя Луки (Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого) и Николая Михайловича Амосова.